

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

На правах рукописи

АГБЕВА ОЛЬГА ГЕНИЕВНА

ОБЩЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА
I ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Раздел 07.00.00 - исторические науки
Специальность 07.00.02 - история СССР

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 1991

Исторический институт
Академии наук СССР

94/94
94(47+57)

ЛНБ им. В. Стефанника

00330781 (M)

Работа выполнена в группе истории культуры дооктябрьского периода Института истории СССР Академии наук СССР.

Научный руководитель:
доктор исторических наук Л.Н.Пушкарев

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор Н.И.Павленко
кандидат исторических наук В.А.Артамонов

Ведущее научное учреждение:
Кафедра истории СССР периода феодализма Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Защита диссертации состоится 12 октября 1991 г. в 11 часов на заседании Специализированного совета Д.002.33.02 по истории СССР дооктябрьского периода по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории СССР АН СССР (П7036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СССР АН СССР.

Автореферат разослан 10 сентября 1991 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
кандидат исторических наук

Т.Н.Джаксон

AB-25426

История русской культуры привлекает в последнее время все более пристальное внимание советских ученых, и все чаще объектом углубленных исследований становится ее переходный период от средневековья к новому времени (хронологически он охватывает на вторую треть XVII - 30-40-е гг. XVIII в.). В течение этого отрезка времени произошла сложная эволюция, в ходе которой появившиеся в XVII ст. отдельные новые явления, набирая силу, постепенно сложились в систему и существенно изменили русскую культуру. Переломным этапом процесса стала I четверть XVIII в.

Представленная диссертационная работа посвящена общественной и культурной жизни Петербурга петровского времени. Причем из всего многообразия составляющих ее явлений избраны малоизученные праздники новой столицы.

Понятие "общественная и культурная жизнь" на редкость многогранно. Оно не только включает в себя все традиционные "отрасли" культуры, совокупность институтов культуры и т.п., но также предполагает анализ их с точки зрения развития жизни общества, выяснение взаимосвязей, причинно-следственных отношений между явлениями культуры и экономической, социальной, политической сферами общественной жизни.

Выбор в качестве конкретного объекта исследования праздников дает возможность именно для такого подхода к изучению культуры, ведь по своей природе праздники - явление многофункциональное. Благодаря этому они легко "вбирали" в себя, "усваивали" общественные и культурные новшества, подвергались влиянию быстро менявшейся политической и идеологической обстановки, хорошо отображали состояние русского искусства.

Хронологические и географические рамки работы обусловлены стремлением рассмотреть объект исследования в тот период и в том регионе, когда и где происходило его максимальное изменение. 1703-1725 гг. - это время с основания Петербурга до смерти Петра Великого и окончания его реформ. Выбор Петербурга объясняется тем, что в петровскую эпоху новая столица стала культурным центром, играющим роль своеобраз-

разной лаборатории, в которой шел начальный этап процесса формирования русской культуры XVIII в.

Исследование предложенной диссертационной темы имеет большую научную значимость. Оно естественным образом вписывается в общее направление поисков ученых, занимающихся выявлением закономерностей развития культуры нового времени, касается некоторых основных проблем культуры переходного периода.

К числу последних относятся проблемы возникновения нового, соотношения в культуре переходного периода "нового" и "старого". В связи с тем, что Петербург являлся центром становления русской культуры нового времени, в историографии сложилась устойчивая традиция изучать в культуре города именно "новое" — новые школы, светское изобразительное искусство и архитектуру, театр, Академию наук и пр. "Старая" традиционная культура ушла в тень. На примере праздничной жизни Петербурга в диссертации сделана попытка отказаться от этого стереотипа и рассмотреть осуществление и взаимоотношения нового и старого в культуре, показать ее синкретический характер.

Одной из отличительных черт культуры нового времени принято считать ее светскость, тогда как культура традиционная определяется как религиозная. В исторической литературе (Б.И.Краснобаев) уже поставлен вопрос о том, что эти характеристики требуют пояснений и не исчерпывают собой такие сложные явления, как культура и той и другой эпох, а также переходного периода. Изучение праздничной жизни Петербурга позволило показать двойственный, противоречивый характер происходивших в ней изменений, дуализм государственной политики — разрушая средневековую монополию церкви на официальные празднества, учреждая новые светские празднества, государство в известной мере использовало и поддерживало традиционную праздничную культуру русской церкви.

В советской философской литературе одной из основополагающих методологических установок считается изучение культуры с точки зрения ее функционирования в обществе. Поэтому

представляет интерес выявление общественного механизма смены культур различных типов. Для реформируемой сверху культуры Петербурга I четверти XVIII в. — это изучение деятельности центральных властей, ее предпосылки, причины, условия, в которых она протекала, и результаты.

Выяснение причин реформы праздничной жизни связано с проблемой органичности изменений, произошедших в русской культуре в начале XVIII в. Важно выяснить: руководствовались ли правительство Петра I исключительно модой на европейскую культуру или же были иные основания для перемен в культурной политике русского абсолютизма? Были ли они связаны с решением внутренних проблем русского общества эпохи реформ?

Цели и задачи исследования. Одной из основных целей работы является воссоздание картины праздничной жизни Петербурга I четверти XVIII в. Максимально полный сбор фактического материала должен дать ответы на ряд вопросов: какие разновидности празднеств вошли в общественный быт новой столицы, какие события и даты было принято отмечать торжественно, с какого времени, как, по чьей инициативе проводилось то или иное празднество, когда вошли в жизнь столичного дворянства ассамблеи, сколько всего было празднеств и т.п.

При этом ставятся задачи реализовать в конкретно-историческом исследовании методологические разработки советских философов и историков по проблеме функционирования культуры в обществе и более полно раскрыть сам феномен праздника.

Дальняя цель исследования — через рассмотрение празднеств в ограниченных географических и хронологических рамках (Петербург, 1703—1725 гг.) показать научную перспективность и необходимость дальнейшего специального исторического изучения официальной праздничной культуры дореволюционной России.

Научная новизна исследования. В отличие от предшествующей историографии праздничная культура Петербурга петровского времени рассматривается не фрагментарно, не выборочно (на примере отдельных разновидностей празднеств), а в целом. В

результате впервые выявляется ее общая структура; наряду с празднествами новыми, рассматриваются традиционные; где это возможно, выясняется их соотношение; дается классификация празднеств; делается попытка определить для переходной эпохи критерии отличия празднеств светских от религиозных.

Рассмотрение праздничной культуры Петербурга в целом позволило впервые поставить вопрос об изучении некоторых военных праздников (всей совокупности ежегодных "дней воспоминания викторий", орденского праздника), большинства празднеств "царских", а также о рассмотрении петербургской календарно-религиозной праздничной жизни петровского времени как особой самостоятельной темы.

В работе сделана попытка отказаться от характерной для предшествующей историографии иллюстративности. Анализируемый материал собран из различных источников и сведен воедино (см. табл. I-4 в приложениях). Благодаря этому в научном обороте оказались не привлекавшиеся ранее и не анализировавшиеся исследователями сведения, хотя в большинстве случаев они почерпнуты из источников уже известных и в основном опубликованных. Это позволило уточнить время и историю появления некоторых празднеств, географию их проведения, выявить характерные формы празднования. Наконец, новым является сам подход к празднествам: они изучаются как объект государственной политики, как часть политики русского абсолютизма в области культуры и идеологии. Специальное внимание при этом уделяется вопросу о детерминированности действий центральной власти реалиями общественной и культурной жизни эпохи.

Практическое значение диссертации состоит в том, что в результате проведенного исследования получили освещение малоизученные или неизученные стороны общественной и культурной жизни петровской эпохи. Выводы диссертации и собранный в ней фактический материал могут быть использованы при подготовке учебных пособий и курсов лекций по истории русской культуры, в научно-исследовательской и популяризаторской работе. Все это будет отвечать резко возросшему в последнее время интересу общества к истории духовной и материальной культуры ми-

нувших веков.

Методологической основой исследования являются последние теоретические достижения советской философской, а также исторической и этнографической научной мысли, связанные с анализом общественных и культурно-бытовых процессов России I четверти ХУШ в. В основу работы положено теоретическое, философское осмысление "праздника" советскими учеными (исследования А.И.Исаева, Л.С.Лаптевой и др.). Праздник рассматривается как особое социально-культурное явление, характеризующееся единством социально-психологической и художественно-эстетической сторон, единством реального содержания и художественно-образной формы, которые не просто связаны между собой, а взаимодействуют, предопределяют друг друга. Среди общественных функций праздника выделяются: идеологическая, воспитательная, художественно-эстетическая, информационно-коммуникативная, интегративная и др.

В диссертации учтена проделанная философами большая работа, позволяющая по-новому взглянуть на историю празднеств и дополняющая их исторический анализ, который, однако, имеет свои собственные задачи и методику работы с фактами.

Историография. Тема празднеств петровского времени, в том числе петербургских, появилась в отечественной исторической науке в конце ХУШ в. (И.И.Голиков, М.М.Щербатов). В XIX ст. она прочно вошла в труды русских историков. Описания петровских празднеств помещали в свои книги биографы Петра Великого (Н.П.Ламбин, Н.А. Полевой и др.), историки Петербурга (А.П.Башуцкий, П.Н.Петров, И.Н.Божернов и др.), предстатели "полковой" историографии (А.К.Чичерин, И.Н.Дирин и др.), авторы, изучавшие историю русской женщины (В.С.Иконников и др.). Во второй половине XIX - начале XX в. тема праздничной жизни петровского времени попала на страницы искусствоведческих работ по истории театра, танцев, музыки, изобразительного искусства. Однако наибольший интерес представляли сочинения, специально посвященные некоторым праздникам, а также русскому быту и нравам эпохи преобразования (труды А.О.Корниловича, П.Н.Петрова, С.Н.Шубинского, Л.Дунакова, М.М.Бороздина

вского и др.). Исследований, рассматривающих общую историю петровских празднеств, в русской дореволюционной историографии создано не было.

Источниковой базой работ первое время, по-видимому, служили материалы, собранные И.И.Голиковым и вошедшие в его "Деяния Петра Великого...". Затем, со 2 четверти XIX в., началась активная публикация законодательных актов, мемуаристики, писем, содержащих разнообразные сведения о праздничной жизни Петербурга начала XVIII ст. Однако из их числа быстро был выделен небольшой круг данных о ряде празднеств, описания которых "кочевали" из работы в работу и варьировались в зависимости от вкуса автора.

Этот ставший к началу XX в. стандартным набор уже известного материала был характерен для большинства работ, носивших к тому же популярный характер. Исключение составили единичные исследования (например книга об Александро-Невской лавре С.Г.Рункевича), содержащие добротные, основанные на разнообразных источниках описания отдельных петербургских торжеств.

Что касается оценок праздничной жизни петровской эпохи, то на них оказали влияние некоторые общие направления русской исторической мысли. С XVIII в. празднества рассматривались в контексте просветительской политики Петра I, то есть как воспитательная мера великого монарха (И.И.Голиков, П.К.Щебальский). В середине XIX в., наряду с ней, появилось объяснение взлета праздничной культуры в начале XVIII ст. личной склонностью Петра I к веселью и самовосхвалениям (Н.И.Костомаров), общественная значимость празднеств при этом подходе отодвинулась на второй план. В ряде исследований тема петровских празднеств оказалась связанной с проблемой иноземного влияния, европеизации России. Резко отрицательную оценку праздничным "иноземным затеям" дали славянофилы (И.Д.Беляев, Н.Я.Данилевский). На рубеже XIX-XX вв. возобладало умеренное, нейтральное отношение к "западному влиянию" (В.И.Водовозов, М.М.Богословский).

В советской историографии, как и в предшествующий пе-

риод, описания петровских празднеств содержатся в обобщающих трудах и монографиях по различным вопросам отечественной истории. Однако вклад в специальное изучение темы внесли лишь единичные работы — С.Ф.Платонова, Н.Д.Зольниковой и особенно Л.Н.Семеново́й, которая в последнее десятилетие вновь ввела петровские празднества в круг историко-культурных тем, заслуживающих специального внимания ученых.

В отличие от исторических исследований изучение празднеств начала XVIII в. было существенно продвинуто вперед в работах советских искусствоведов, специалистов по истории музыки, театра, литературы. Таким образом, исследование художественной стороны празднеств, а в конечном счете и их роли в развитии отечественного искусства, значительно опережает изучение общественных функций и социальной детерминированности праздника. Между тем научное осмысление темы предполагает ее всестороннее и комплексное рассмотрение в тесной связи с основными проблемами общественной жизни эпохи петровских реформ.

Источниковая база. Основными источниками диссертационной работы стали письменные исторические источники (документальные и повествовательные); в качестве дополнительных использовались также изобразительные материалы.

Среди письменных документальных источников важное значение имели источники нормативного характера. Это — указы Петра I, Сената, генерал-полицеймейстера Петербурга, Синода, решения царя по частным вопросам, дошедшие до нас в виде его резолюций на бумагах и распоряжений в письмах к должностным лицам. В работе также использовались относящиеся к нормативным актам, но имеющие переходный повествовательно-документальный характер чиновничьи соборы, зафиксировавшие нормы праздничного богослужения. Помимо нормативных актов петровского времени, были привлечены законодательные памятники XVI и XVII ст. ("Стоглав", "Соборное уложение 1649 г." и др.).

Нормативные документы позволили в ряде случаев установить время появления и форму проведения торжества, то, кем

и в каком виде они задумывались и должны были осуществляться. Сам факт появления официальных законодательных актов, касающихся проведения торжеств, свидетельствует о том, что в петровскую эпоху празднества в полном смысле слова стали государственным делом.

Привлеченные при изучении темы нормативные источники были опубликованы в таких изданиях XIX - нач. XX вв., как "Полное собрание законов Российской империи", "Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода" и др.

Особую важность для раскрытия темы диссертации имели источники личного происхождения - мемуаристика и письма. Мемуаристика (дневники и воспоминания) по своему происхождению может быть объединена в две группы - отечественную и принадлежащую перу иностранцев. К первой относятся "Походные и путевые журналы Петра I", "Дневные записки" И.А.Делябужского, "Поденные записки" кн. А.Д.Меншикова, "Дневник" Дм.Кантемира, сочинения Б.И.Куракина и др. Не менее значимой для раскрытия темы оказалась мемуаристика иностранных авторов. Были использованы сочинения мемуарного жанра секретаря австрийского посольства И.Г.Корба (1698-1699 гг.), голландского живописца К. де Бруина (1702-1703, 1707), датского посланника Д.Для (1709-1711), брауншвейг-люнебургского резидента Х.-Ф. Вебера (1714-1719), голштинского дипломата Ф.-В.Берггольца (1721-1725) и др., а также формально относящиеся к историко-географическим описаниям сочинения о Петербурге начала XVIII в. неизвестных авторов.

Ценность мемуаристики определяется тем, что в ней зафиксированы многочисленные факты проведения столичных торжеств, балов и пр., не отмеченные в других источниках. Особенностью сочинений отечественных авторов является внимание к новому и необычному, то есть светским нововведениям: триумфам, годовщинам побед и т.п. Иностранцы же проявляли равный интерес и к новым, и к традиционным праздникам ("царским" и церковным), однако они описывали их, часто не понимая происхождения и смысла обрядов, оценивали художественное

оформление, исходя из западноевропейских, а не русских норм.

Так как отличительной чертой мемуаристики является повышенная субъективность (в ней нашли отражение личные симпатии и культурные стереопиты авторов), при работе с дневниками и воспоминаниями содержащийся в них исторический материал оценивался критически, факты по возможности отделялись от их оценок, последние более тщательно анализировались и сопоставлялись с данными, полученными из документальных памятников.

В большинстве случаев дневники и воспоминания были опубликованы еще в XIX - нач. XX в.; исключение составляют "Поденные записки" кн. А.Д.Меншикова, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов.

Дополнили мемуаристику XVIII в. письма. Однако в работе использована не частная переписка, а служебные письма официальных лиц (царя, высокопоставленных русских сановников, иностранных дипломатов), то есть источники, являющиеся одной из форм делопроизводственных материалов. Особое значение имели письма-донесения находящихся при русском дворе представителей Франции, Пруссии, Англии, Нидерланд (опубликованы в сборниках Русского исторического общества и других изданиях).

Помимо нормативных актов и источников личного происхождения, составивших основу источниковой базы исследования, в работе использован ряд печатных материалов ("Ведомости", "изъявления" фейерверков и др.), церковно-полемические сочинения (проповеди), а также памятники XVI-XVII вв., содержащие описания столичных празднеств допетровского времени ("Казанский летописец" и др.). Ценным дополнением также стали изобразительные материалы. Они представлены гравюрами петровского времени с изображением празднеств и их декоративного убранства (авторы офортов - Г.Девит, А.Зубов, П.Шикарт). Апробация результатов исследования. Ряд вопросов диссертационной работы, касающихся источниковедения, историографии, конкретно-исторических тем, был рассмотрен в опубликованных статьях и тезисах выступления, а также в виде сообщений на

заседаниях Группы истории культуры дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. Автором сделаны доклады по теме диссертации на источниковедческих сессиях (г. Батуми, октябрь 1985 г.; г. Кутаиси, октябрь 1988 г.), на заседании "круглого стола" по теме "Русская культура в условиях перехода от средневековья к новому времени" (г. Москва, март 1990 г.).

Диссертация была обсуждена на заседании Группы истории русской культуры дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР (1990 г.).

Структура диссертации определена целями и задачами исследования. Работа имеет введение, три главы, заключение и приложения. Материал сгруппирован в главы, внутри которых имеются параграфы и пункты, и изложен по тематическо-проблемному и хронологическому принципам.

Основное содержание работы.

Введение раскрывает постановку проблемы, научную актуальность и общественную значимость темы, включает характеристику объекта исследования, содержит обзор отечественной историографии и источников.

Глава первая посвящена динамично развивавшимся в петровскую эпоху государственным празднествам. Среди других глав она наиболее значительна по объему и сложна по структуре. В первом параграфе главы рассматриваются военные празднества. Сначала (п.1) дается характеристика торжеств достоличного периода. Это - празднества, устраивавшиеся в ходе боевых действий 1703 г., и празднование получения известий о победах над шведами.

Затем освещаются военные торжества столичного времени. При рассмотрении триумфов (п.2) 1714 и 1720 гг. отмечается, что, с одной стороны, они продолжили традицию московских "победительных въездов" 1690-х - 1700-х гг., с другой, приобрели в Петербурге некоторые новые черты: 1) так как теперь они были посвящены победам флота, то стали включать шествия кораблей и пр.; триумфы стали "морскими"; 2) единственными их организаторами в новой столице являлись цент-

ральные государственные и городские власти, тогда как в Москве встречи победителей готовило также столичное общество — представители купечества, духовенства, отдельные высокопоставленные лица и др.; 3) важное место среди светских праздничных форм заняли церковные службы в центральном городском соборе, в Москве они не были обязательными.

Следующую, наиболее значительную группу военных празднеств составили празднества ежегодные (п.3). В работе выясняется, что к 20-м гг. XVIII в. в Петербурге отмечалось 7 "дней воспоминания викторий", которые были посвящены основным событиям Северной войны: взятию Шлиссельбурга, Нарвы, Калишской битве, сражениям у Лесной и под Полтавой, морским баталиям при Гангуте и Гренгаме. В 1721 г. было учреждено ежегодное "воспоминание" Ништадтского мира. Впервые же эта разновидность празднеств появилась в 1709—1710 гг. после сражений у Лесной и под Полтавой.

Два из новоучрежденных празднеств (в память Полтавы и Ништадтского мира) отмечались также по всей стране церковью. Другие — в зависимости от местонахождения Петра I и царского двора — в различных городах страны от Риги до Астрахани, а также за границей (Польша, Германия, Франция, Дания). Основным же центром, "лабораторией" новых торжеств был Петербург.

Что касается праздничных форм, то петербургские дни воспоминания обычно делились на две части. В первой ("ордине духовном") светские власти максимально использовали возможности православного богослужения, во второй ("ордине политическом") — новые праздничные формы и средства (гуляния в Летнем саду, парады, балы, фейерверки).

Среди ежегодных торжеств рассмотрен также кавалерский праздник ордена Андрея Первозванного. Выявлено 14 фактов его проведения в I четверти XVIII в., причем 11 из них относятся к Петербургу. Установлено, что особые ритуалы кавалерского дня восходят не только к западноевропейским, но и русским праздничным традициям.

Торжества по поводу окончания войн (п.4) были пред-

ставлены в общественной жизни Петербурга празднованием Нидерландского мира осенью 1721 г. К нему были приурочены некоторые важные политические мероприятия, в том числе поднесение царю титула императора и объявление России империей. По использованным праздничным формам и декоративно-художественному оформлению это торжество явилось своеобразным итогом развития светской праздничной культуры петровского времени.

В заключение (п.5) рассмотрены истоки формирования и социальная обусловленность появления в России государственных светских военных празднеств.

Привлечение материала допетровского времени позволило показать сочетание в петровских военных празднествах нового и старого. Так, празднование известий об одержанных победах и окончания войн как разновидности торжеств являлось продолжением допетровских традиций, хотя и значительно изменилось внешне, в области праздничных форм. Новыми стали светские триумфы и ежегодные праздники. Их предшественницей в допетровскую эпоху следует считать единичные торжественные выезды в Москву царей-победителей и некоторые церковные ходы в память военных событий. Таким образом, начало XVIII в. отмечено не только многочисленностью и регулярностью военных торжеств, но и появлением их светского понимания, о чем свидетельствует устойчивый "набор" праздничных форм и художественно-выразительных средств, относящихся к сфере нового изобразительного искусства, архитектуры, музыки, театра.

В качестве предпосылок реформы праздничной жизни отмечены: широкое распространение ритуалов, игр, развлечений в военном и придворном быту молодого Петра I, формирование его на новый манер, а также публичный характер, использование новшеств придворной жизни XVIII ст. (фейерверки, проповеди и т.п.), возможность для царя привлекать для организации праздников придворных, армию, использовать столичную художественную среду и деньги из казны.

Рассмотрение социальных функций празднеств в контексте общественных проблем начала XVIII в. позволило предположить, что возникновение системы светских празднеств связано

о возможностью для центральных властей решать с их помощью важные политические вопросы. Так, военные триумфы (московские, а затем петербургские) являлись своеобразным политическим театром, демонстрировавшим западноевропейским дипломатам способность русской армии одерживать победы и, следовательно, достойно участвовать в военных коалициях европейских государств. В области внутренней политики военные празднества способствовали укреплению престижа регулярной армии, воспитывали уважение к военной службе на основе нового принципа личной выслуги (т.е. являлись средством искоренения местничества), частично снимали вызванную длительной войной напряженность в обществе и пр. Особое значение имело укрепление через военные торжества, в которых обязательно участвовали гвардейцы, связей царского дома с офицерскими кадрами армии и широкими слоями столичного и провинциального дворянства. Наконец, военные праздники петровского времени являлись одной из форм консолидации дворянства, активно шедшей в I четверти XVIII в.

Во втором параграфе I-й главы, посвященном "празднествам царским", то есть связанным с домом Романовых, выявлена общая структура этой категории торжеств и подробно рассмотрены празднества, носившие ежегодный характер.

При характеристике тезоименитств и дней рождения членов царской фамилии внимание уделено сочетанию в них старого и нового. Празднование "дней ангела" Романовых пришло из допетровского времени и сохранило свой высокий статус в начале XVIII в., однако существенно изменилась форма их празднования. В прошлом оказались теремные традиции закрытого образа жизни царицы и царских детей, которые теперь публично принимали участие в праздничных церемониях и развлечениях; сохранили свое значение церковные службы. Обычными стали балы и фейерверки.

К "дням ангела" в петровскую эпоху было приравнено празднование дней рождения. Первым свой день рождения начал отмечать, по-видимому, царь Федор Алексеевич; в Петербурге I четверти XVIII в. этот праздник распространялся на всех чле-

нов царской семьи.

Усилению культа абсолютного монарха и царствующего дома способствовали не только традиционные, но и совершенно новые празднества. Так, по имеющимся данным, с 1721 г. публично начинает отмечаться день царского бракосочетания, то есть день бракосочетания Петра I с Екатериной I (Мартой Скавронской). Как и остальные личные праздники новой царицы и ее детей, день свадьбы царствующей четы не был нейтральным событием общественной жизни. Из-за длительного непризнания духовенством и широкими слоями населения женитьбы царя на Екатерине как брака законного публичные торжества в ее честь, а также в честь царевен Елизаветы, Анны и других царских детей начали приобретать политическую окраску. В противовес мнению сторонников традиционной морали они утверждали права на русский престол "незаконной" царицы и ее детей, помогали Петру I "ввести" царицу-иностранку в русское общество, подготовить его к признанию "царских" дат церковью.

Еще одним ежегодным празднеством, поднимавшим культ монарха, стал учрежденный указом 1721 г. день коронавания. В допетровское время ежегодных торжеств в день венчания на царство правящего монарха не было.

Представляется, что появление новых "царских" празднеств в петровскую эпоху было закономерным и связано с утверждением в стране абсолютизма. Это, однако, не отрицает того факта, что свою роль сыграла и конфликтная ситуация в царской семье, влиявшая на вопрос о престолонаследии.

Сравнение царских празднеств XVII ст. с петровскими показало, что царские дни начала XVIII в. в целом являлись продолжением празднеств предшествующего времени, был сохранен их высокий статус и общая направленность — поддержание культа правящей династии. Изменение структуры празднеств шло в сторону увеличения их числа и видов.

Что касается форм празднования, то существенные изменения произошли в светской части — по-новому справлялись застолья, появились балы, гулянья и пр., исчезли многие праздничные формы и обряды, имевшие ранее сакральный смысл.

В целом акцент в празднествах сместился с церковного и сакрально-бытового на светское.

Глава вторая диссертации посвящена петербургским бытовым праздникам, эволюция которых прослежена на примере первых русских дворянских балов — ассамблей. Прежде всего в главе выясняется, что само слово "ассамблея" появилось в обиходе за несколько лет до учреждения балов "по правилам" и обозначало торжественные собрания петербургского света по поводу каких-либо празднеств.

Затем уточняются некоторые вопросы истории ассамблей-балов, учрежденных указом 1718 г. Так, устанавливается 63 факта их проведения за 1718 — январь 1725 г., причем отмечается, что это число должно быть значительно больше, так как на "сезон" приходилось 16—18 балов, устраивавшихся по 3 раза в неделю. Сами сезоны ассамблей вошли в сложившуюся структуру годового цикла православных праздников и светских празднеств. Они проходили в периоды после окончания ноябрьских торжеств и до рождества Христова, после завершения святок и до пасхи. Однако при этом затронутыми оказались религиозные посты, что вызывало недовольство в обществе.

Анализ правил ассамблей, изложенных в указе и зафиксированных в мемуаристике, позволил сделать ряд наблюдений, касающихся контроля со стороны светских властей за "вольными" (как сказано в указе) собраниями, состава хозяев балов, который, как выяснилось, в значительной степени не соответствовал списку лиц, намеченных Петром I в приложении к указу. Отмечается, что новое общественное празднество активно формировало ориентацию в высшем обществе на западноевропейские культурно-бытовые нормы (искусство, развлечения, кухня и пр.). Однако для России начала XVIII в. вопрос о новшествах стоял и под иным углом. Первые русские балы открыто противодействовали некоторым средневековым установкам — порицанию игры в шахматы, шашки, карты, курения табака, танцев и светской инструментальной музыки, рассматривавшимся как "еллинское бесование". Следовательно, светские власти впервые открыто поддерживали все эти бытовые явления, осуждавшиеся

православной моралью и преследовавшиеся церковью.

Ряд ассамблейных правил был ориентирован на решение социальных вопросов, связанных с консолидацией дворянства. Сведя одним из пунктов указа на нет роль хозяина, даже при отсутствии которого на балу не было необходимостью, Петр фактически на несколько часов превращал частные дома своих подданных в здания общественного назначения, какими позже стали дома дворянских собраний и клубов. При этом на ассамблеях вводилась новая форма общения членов высших слоев общества, уничтожавшая местнический этикет, создавался прецедент внеслужебных и межсемейных балных знакомств. В целом ассамблеи стали новым корпоративным институтом в социальной жизни дворянства.

Последний вопрос, рассмотренный в связи с историей ассамблей, — их значение для так называемого "выхода" русской женщины в свет, то есть в разрушении допетровских традиций терема. Изучение участия русских высокопоставленных женщин в общественной жизни Москвы и Петербурга 1690-х — 1718 гг. показало, что отдельные отступления от норм терема (участие в танцах, совместных застольях и т.п.), имевшие место в Москве рубежа XVII—XVIII вв., уже в 1710 г. в Петербурге привели к формированию открытого образа жизни русской женщины. С этого времени в новой столице принадлежащие к высшему сословию женщины по достижении 10-летнего возраста участвовали в многочисленных торжествах и общественных развлечениях. Таким образом, учрежденные в 1718 г. ассамблеи лишь закрепили достигнутое ранее.

Глава третья, посвященная религиозным праздникам и праздничным обрядам новой столицы, позволяет дополнить характеристику государственной политики в области праздничной жизни, вылить непосредственное отношение светских властей к традиционной религиозной праздничной культуре.

Глава начинается с рассмотрения праздничной культовой среды Петербурга. История строительства церкви и основания Александрово-Невского монастыря показывает, что решением этих вопросов занимались исключительно светские власти. Они тор-

жественно закладывали церкви, заботились об их архитектурном убранстве, но одновременно стремились сохранить заниженную по нормам допетровского времени меру в количестве культовых зданий. Ими же велась строго выверенная политика подбора "дояльных" к петровским преобразованиям кадров священнослужителей. Результатом стало появление в среде духовенства сильной малороссийской струи.

Выявленные в источниках сведения об основных религиозных праздниках (Рождестве, Богоявлении, Благовещении, Вербном воскресении, Пасхе и др.), а также календарных обрядах святок, масленицы и святой недели, факты, касающиеся участия в них Петра I и светских властей, позволили сделать следующие выводы и наблюдения. 1) Религиозные праздники и календарные обряды составляли в новой русской столице, наряду с ассамблеями, военными и "царскими" празднествами, существенную часть государственного быта. 2) Отмечаемые публично царской семьей, двором, сенатом, гвардией и др., они по своим социальным функциям во многом были аналогичны царским "выходам" на праздники допетровского времени. 3) В течение петровского царствования отношение к религиозным праздникам претерпело известную эволюцию. Старомосковская система выходов царя была основательно разрушена Петром I еще в 90-е гг. ХУП в., когда при дворе ярко проявилось "критическое" отношение ко многим традиционным религиозно-бытовым обрядам. Его причины крылись не только в новых взглядах, но и напряженных отношениях между духовными и светскими властями в связи с проведением церковной реформы. В петербургский период стала складываться новая система публичного участия царя и двора в православных праздниках и обрядах. Частично в нее вошло наследие ХУП в. 4) Сравнение структуры религиозных праздников, отмечавшихся публично при дворе в ХУП в., с петербургскими показало, что в начале ХУШ в. их общее число сократилось: перестали, по крайней мере публично, отмечаться около 20 праздников. Нетронутыми остались лишь наиболее важные двенадцать праздников; в тень ушли праздники, получившие распространение в России, в том числе дни русских свя-

тых; был упразднен ряд придворных религиозных обрядов ("тайные" выходы царя в богадельни и тюрьмы, кормление нищих во дворце, торжественные шествия к церкви и пр.). 5) В то же время светские власти не чуждались многих праздничных народных календарных обычаев. Однако в "русские карнавалы", имевшие устойчивый набор традиционных календарных размечений, на рубеже ХУП-ХУШ вв. вторгаются новые увеселения: маскарады, катанья на буерах по Неве, гулянья в Летнем саду и пр. Таким образом происходит смешение чисто светских развлечений с развлечениями традиционными, носившими в средневековье сакральный характер.

Отмеченные факты несоблюдения обычаев, замена их новыми означали, что в столичном обществе петровского времени шел процесс десакрализации части праздничных традиционных обрядов, утверждалось новое к ним отношение.

Все это позволило сделать вывод о том, что в I четверти ХУШ в. правительственная политика носила двойственный характер. С одной стороны, отменялись многие обычаи и церемониалы, перешедшие в разряд "предрассудков"; за светской властью утвердилось само право менять обычаи. С другой, понимая роль православной церкви и ее праздничных богослужений в общественной жизни, Петр I в петербургский период проявил заинтересованность в укреплении освященных ею канонов богослужения, возвратился к публичному участию во многих православных праздниках.

В заключении на основе изложенных в работе фактов и наблюдений делается вывод о том, что к концу царствования царя-преобразователя в Петербурге сложилась целая система официальных светских празднеств. Уточняются сами понятия светского и религиозного праздников, для их различия предлагаются следующие критерии: характер отмечаемого события (светский или церковный), для светских событий - понимание их оквозь призму провиденциализма и средневековых религиозно-этических норм, наконец, светский или религиозный характер используемых художественно-выразительных средств и праздничных форм.

Так как в петровских празднествах доминировали их светское осмысление, ритуалы и художественно-декоративные средства, сделан вывод о формировании в России этого времени нового для отечественной культуры типа светского праздника.

Далее указывается, что характер и результаты деятельности русского правительства в области праздничной культуры следует рассматривать как часть общей государственной политики в сфере культуры, а это само по себе является характерной чертой нового времени, равно как многочисленные, пышные торжества — обязательным атрибутом абсолютных монархий.

В заключении рассмотрен также вопрос о восприятии новшеств праздничной жизни населением, отмечена сложность усвоения нового художественного языка, критика его со стороны раскольников. Затем освещен вопрос о судьбе празднеств I четверти XVIII в. в послепетровское время — отмене большинства из них при первых преемниках царя-реформатора, восстановлении отдельных праздничных обычаев при Елизавете Петровне и широком обращении к наследию Петра Великого при Екатерине II.

Изучение петровских праздников Петербурга дает основание утверждать, что правительством царя-преобразователя была проведена подлинная реформа праздничной жизни русской столицы, ставшая частью общей реформы общественной и культурной жизни России начала XVIII в.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Мемуарная литература как исторический источник по общественной и культурной жизни Петербурга I четверти XVIII в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб.ст. М., 1982. С.85-107.
2. Ассамблеи петровского времени в русской дореволюционной историографии // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб.ст. М., 1983. С.47-66.
3. Особенности источниковедческого анализа нормативных источников (на примере русского законодательства I четверти XVIII в. по строительству Петербурга) // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников: Всесоюз. науч. сессия. 17-19 окт. 1985 г. г. Батуми: Тез. докл. Тбилиси, 1985. С.7-8.
4. Культурная жизнь Петербурга петровского времени в советской историографии, 1917-сер. 1930-х гг. // Вопросы истории русской культуры в отечественной и зарубежной историографии: Сб.ст. М., 1986. С.137-156.
5. Особенности методологического и источниковедческого анализа нормативных источников I четверти XVIII в. по культуре (на примере Петербурга) // Источниковедческие разыскания - 1985. Тбилиси, 1988. С.107-112.

Подписано в печать 10.01.1990 г.
Заказ № 8 Тираж 100 экз.

Участок оперативной полиграфии
Института истории СССР АН СССР
Москва, ул.Дмитрия Ульянова, 19.

~~43~~

1.

2.

3.

4.

5.

... ..

... ..

... ..

... ..